

■ экспериментальные сообщения ■

Объяснения незнакомого явления на основе категориальных названий и метафор

Мари Арсалиду

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Научно-технологический университет «Сириус», Сочи, Россия

Иван Александрович Асланов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Денис Вячеславович Грищук

Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия

Алексей Александрович Котов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Научно-технологический университет «Сириус», Сочи, Россия

Галина Евгеньевна Пазекова

Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия

Ильдар Анберович Сабитов

Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия

Юлия Владимировна Судоргина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Научно-технологический университет «Сириус», Сочи, Россия

Аннотация. В исследовании К. Гиффин и коллег (Giffin et al., 2017) было обнаружено влияние вербального ярлыка на объяснение незнакомого явления: при использовании названия суждения людей в большей степени выражают убеждение, что у явления есть объективная причина. Этот эффект был продемонстрирован на материале описаний поведения при психическом расстройстве, которое обозначалось искусственным названием «депатафия» или оставалось без названия. В настоящем исследовании мы реплицировали данный эффект ($N=110$) и добавили новые условия с целью оценить, может ли другая языковая форма, а именно метафора, вызвать данный эффект. В двух условиях ($N=119$) вместо вербального ярлыка мы сообщали, что внутреннее состояние человека, который так себя ведет, можно сравнить с каким-то другим явлением (например, с пожаром). При этом в одном условии (так называемая неконвенциональная метафора) подчеркивалось, что такое сравнение делает сам персонаж истории, а во втором — что другие люди с похожим расстройством поведения (так называемая конвенциональная метафора). Согласно нашей гипотезе, только конвенциональная метафора может повлиять на формирование объяснений, поскольку конвенциональность придаст метафоре статус названия категории. В результате гипотеза подтвердилась частично: в условии с неконвенциональной метафорой эффекта действительно не было обнаружено, а в условии с конвенциональной метафорой он был обнаружен в ответах лишь на один вопрос. Результаты исследования в целом согласуются с интерпретацией К. Гиффин и коллег, что влияние на суждения оказывает преимущественно ярлык категории, а не другие языковые формы.

Контактная информация: Мари Арсалиду, marsalidou@hse.ru; Иван Александрович Асланов, ivaslanov@gmail.com; Денис Вячеславович Грищук, grischukdv@gmail.com; Алексей Александрович Котов, al.kotov@gmail.com, 101000, г. Москва, Кривоколенный переулок, 2, офис 201; Галина Евгеньевна Пазекова, gpazekova@list.ru; Ильдар Анберович Сабитов, ildoc73@gmail.com; Юлия Владимировна Судоргина, yvusudorgina@gmail.com.

Ключевые слова: категоризация, объяснение, категориальные названия, метафора, конвенциональность

© 2020 Мари Арсалиду, Иван Александрович Асланов, Денис Вячеславович Грищук, Алексей Александрович Котов, Галина Евгеньевна Пазекова, Ильдар Анберович Сабитов, Юлия Владимировна Судоргина. Данная статья доступна по лицензии [Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0. всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этой статьи на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с канонами научного цитирования.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-313-51010.

Статья поступила в редакцию 9 ноября 2020 г. Принята в печать 23 декабря 2020 г.

Введение

Язык оказывает большое влияние на когнитивные процессы, связанные с категоризацией, как у взрослых, так и у детей. Названия для объектов формируют категориальное восприятие и категориальную репрезентацию (Luryan, 2012; Winawer et al., 2007), ускоряют обобщения и создание новых категорий (Waxman, Markow, 1995; Котов, Жердева, 2020), изменяют индуктивные выводы о новых примерах категории (Gelman, Neuman, 1999). Чаще всего в этих случаях эффект вербального ярлыка связан или с механизмом активации понятий (репрезентации релевантной информации) в семантической памяти или с привлечением внимания к общему содержанию у разных примеров. Может ли вербальный ярлык повлиять на суждения о новом примере, создавая убеждение о существовании скрытой, не содержащейся в описании этого явления каузальной информации? В недавнем исследовании К. Гиффин и коллег (Giffin et al., 2017) участникам давали прочесть небольшой текст, содержащий описание странного поведения. Например, в одном из них сообщалось: «Марк — сорокалетний мужчина. Недавно его увидели на улице без нижней части одежды. Его забрали в полицию. В полицейском участке он начал ломать мебель и предметы и пытался сбежать из здания. Оказалось, что у Марка депатафия — склонность избавляться от одежды, ломать предметы, сбежать из помещений и совершать другие иррациональные или опасные действия». Авторы исследования в одном условии сообщали, что данные особенности поведения имеют специальное название («депатафия»), а в другом нет (говорилось только про склонность вести себя таким образом). После прочтения текста участники должны были ответить на несколько вопросов, оценивающих их мнение о причинах и характере этого поведения. Часть вопросов носила прямой характер — например, считают ли участники, что данная особенность поведения имеет биологическое происхождение или что она устойчива во времени. Другая часть вопросов были сформулированы более косвенным образом — например, можно ли было бы в суде признать этого человека виновным; можно ли его вылечить с помощью лекарственных средств. Оказалось, что на суждения людей о таком знакомом для них явлении оказывает влияние присутствие вербального ярлыка. В условии с названием участники были в большей степени убеждены в биологическом происхождении данной особенности

и том, что этого человека нельзя считать виновным. В целом по остальным вопросам в условии с названием люди демонстрировали убеждение, что данный пример описывает объективное расстройство, имеющее естественное происхождение и независимое в своем существовании от желаний субъекта.

Что именно позволяет категориальным названиям влиять на суждения о новых примерах? Для ответа на этот вопрос необходимо сравнить эффекты, вызванные простыми категориальными названиями, и названиями, выраженными с помощью других языковых форм. Эффект, описанный К. Гиффин и коллегами, был объяснен ими в связи с тем, какое воздействие оказывает название на вынесение суждений и оценку объяснений. Можно предположить, что любое название может вызывать сходный эффект. Однако названия как языковые конструкции различаются между собой в их отношении к значению.

В нашем исследовании в качестве альтернативных названий мы использовали метафоры. Метафора называет референт в терминах из семантически нерелевантного домена. Последние работы в области когнитивных исследований показывают, что метафора оказывает влияние на ряд когнитивных процессов. Например, в известном исследовании Тибодо и Бородитски показано, как метафоры «зверь» и «вирус» применительно к феномену преступности заставляют респондентов искать решение проблемы преступности соответственно в области полицейского контроля или социальных реформ (Thibodeau, Boroditsky, 2011). Однако воздействие метафоры может распространяться не только на уровень суждений: так, сравнение этапа обучения с этапом «жизненного пути» повышает мотивацию учащихся и позитивно влияет на их успеваемость (Landau et al., 2017). Отдельная группа исследований посвящена влиянию метафор на обработку информации о психических расстройствах: показано, что использование определенных метафор в коммуникации о депрессии снижает склонность обвинять больного, совершившего проступок из-за депрессии (Асланов, Котов, 2020), а также способно усилить убежденность в эффективности антидепрессантов (Keefer et al., 2014). Это позволяет поставить вопрос о влиянии метафоры на восприятие знакомых расстройств, описание которых использовалось в оригинальном исследовании К. Гиффин и соавторов.

При этом значимым фактором для понимания и когнитивного воздействия метафоры является ее

конвенциональность, или общепринятость (Thibodeau et al., 2017). Это связано с тем, что для переноса информации из области-источника человек должен установить ясные и четкие аналогии между элементами схем источника и цели (Wolff, Gentner, 2011). Любопытно также, что исследование влияния конвенциональности на обработку вербальной информации проводилось и при изучении когнитивной функции ярлыков (Hemmatian, Sloman, 2018). В этом исследовании было выявлено, что использование конвенциональных ярлыков (к которым добавлялось пояснение, что их значение известно другим людям) при объяснении различных ситуаций повышает убедительность такого объяснения — при этом ярлыки были вымышленными, а конвенциональность просто заявлялась в самом условии. В связи с этим мы задаемся вопросом: проявится ли влияние метафоры при описании незнакомого расстройства, если конвенциональность метафоры также будет просто заявлена в условии задания? Будет ли воздействие таких условно-конвенциональных метафор отличаться от воздействия метафор, «авторство» которых приписывается самому больному?

Таким образом, целью нашего исследования было определить, будет ли использование метафор в качестве функциональной замены названий вызывать сходный эффект с тем, который вызывается использованием категориальных названий. Для этого мы, во-первых, реплицировали эффект, описанный в исследовании К. Гиффин и коллег. Во-вторых, мы добавили новые условия с использованием метафор в роли названий, при этом мы разделили метафоры на конвенциональные (добавив к ним указание, что и другие люди придают им сходное значение) и неконвенциональные (что это делает лишь главный персонаж). Сравнение всех условий между собой позволит установить, какие свойства категориальных названий важны для объяснения незнакомых явлений. Согласно нашей гипотезе, если метафоры вызовут эффект, аналогичный эффекту категориальных названий, то лишь в условии метафор с указанием на конвенциональность их значения. Использование метафор без указания конвенциональности их значения не должно вызывать эффект и, предположительно, окажется сходным с условием отсутствия специального категориального названия.

Методика

Испытуемые

В исследовании приняло участие 219 человек ($M = 28.3$, $SD = 11.3$, 75.3% — женщины), проживающие в Ульяновске и в Москве. Высшее образование имели 40% участников, 53% на момент проведения исследования обучались в высших учебных заведениях, а оставшиеся 7% имели среднее или среднеспециальное образование. Участие в исследовании было добровольным. Материалы исследования распространялись через сеть контактов студентов и преподавателей в Ульяновском государственном университете (УлГУ) и НИУ ВШЭ в Москве.

Материал

Стимульный материал был создан на основе материалов из исследования К. Гиффин и коллег (Giffin et al., 2017). В их исследовании было отобрано четыре культурно-специфических психических расстройства из азиатских стран. Так как выборка исследования состояла преимущественно из американцев, это гарантировало, что описанные расстройства с высокой вероятностью не будут знакомы испытуемым. Это допущение актуально и для настоящего исследования, так как наши участники представляют собой российскую выборку. На основе симптомов расстройств авторы создали четыре коротких текста с описанием необычного поведения героя. В последнем предложении каждого текста содержались разные объяснения того, почему герой повел себя таким образом. Это же предложение менялось в зависимости от условия, в которое попадал испытуемый: в условии с названием объяснение сопровождалось придуманным названием поведения (в оригинальном исследовании — *Depathapy*), а в условии без названия поведение характеризовалось только как «склонность». Мы перевели и адаптировали тексты на русский язык — в частности, заменили имена героев на распространенные в России, а название поведения перевели буквально как *депатафия*.

Ниже представлен пример с переводом одного из текстов. В квадратных скобках находится придуманное название, которое содержится в текстах только для условия с названием:

Римма — сорокалетняя женщина. Недавно она вошла в несколько домов своих соседей и забрала различные вещи — от салфетниц до ваз. Когда полиция ее нашла, оказалось, что Римма считает каждый украденный объект невероятно ценным. Оказалось, что у Риммы [*депатафия* —] склонность к краже предметов, которые расцениваются ей как крайне ценные и дорогие, хотя они могут такими и не быть.

Для того, чтобы сравнить влияние разных типов метафор на восприятие и оценку суждений, мы дополнили исследование двумя условиями — так называемыми *конвенциональными* и *неконвенциональными метафорами*. Мы добавили в каждый текст еще одно предложение. В случае с так называемой *конвенциональной метафорой* оно содержало информацию о том, с чем сравнивают состояние героя, описанное в тексте, другие люди:

Другие люди с такой склонностью сравнивают это состояние с туманом, который мешает ясно воспринимать все вокруг.

Иными словами, подчеркивалась конвенциональность значения используемой метафоры. В случае с так называемой *неконвенциональной метафорой* герой сам сравнивал свое состояние с чем-либо:

Римма сравнивает свое состояние с туманом, который мешает ясно воспринимать все вокруг.

Надо отметить, что расположение в тексте описания незнакомого явления категориального названия и метафор было разным. Категориальное название

было ближе всего к обозначению склонности, а метафора использовалась в конце и могла быть воспринята как дополнительное описание явления. Уравнять расположение в тексте категориального названия и метафор было невозможно. Однако следует отметить, что во всех экспериментальных условиях незнакомое поведение называлось склонностью, а в условиях с категориальным названием и метафорами мы добавляли в том же предложении или следующем другую языковую форму.

В текстах использовалось два варианта метафор: тумана и пожара. Эти метафоры придумали авторы исследования. Чтобы определить, какая метафора лучше всего описывает состояние героя в каждом тексте, мы провели пилотное исследование на отдельной выборке ($N=22$). Участники читали каждый текст и выбирали, какая из трех метафор лучше всего описывает состояние героя. Оказалось, что чаще всего выбирались две метафоры из трех. При этом для двух текстов большинство участников (больше 75 %) выбирали одну метафору, а для двух других — другую. Таким образом, мы не варьировали соотношение метафор и текстов, а для повышения экологической валидности использовали каждую метафору лишь для определенного текста. При анализе результатов, помимо эффекта, вызванного названием (экспериментальные группы), мы также оценивали влияние текста и взаимодействие текстов и названий.

В качестве примера приведем еще один текст, в котором использовалась другая метафора. Остальные два текста приведены в Приложении 1.

Давид — сорокалетний мужчина. Недавно он украл дорогую картину из своего офиса, после того, как коллега сказал ему: «Тебе бы стоило забрать эту картину, ведь ты — единственный, кто вообще когда-нибудь на нее смотрит». Разумеется, коллега не говорил серьезно. Оказалось, что у Давида [*депатафия* —] склонность имитировать действия других людей и подчиняться указаниям.

[*Конвенциональная метафора.*] Другие люди с такой склонностью сравнивают это состояние с пожаром, который охватывает человека и уничтожает все вокруг.

[*Неконвенциональная метафора.*] Давид сравнивает свое состояние с пожаром, который охватывает человека и уничтожает все вокруг.

Мы не варьировали параметр конвенциональности по отношению к условию с категориальным названием, по сути он носил конвенциональный характер. Пояснение, что это новое название использует лишь сам персонаж, было бы странно и воспринималось бы как дополнительный симптом его расстройства.

Чтобы проверить, как разные условия влияют на оценку характеристик явления, в исследовании К. Гиффин и коллег к каждому тексту было создано 15 утверждений. Содержание утверждений касалось разных аспектов поведения и оценивалось по шкале от 1 до 7.

Мы перевели утверждения, однако исключили два из них из-за невозможности подобрать корректный перевод на русский язык. В оригинальном исследовании для этих утверждений не было обнаружено зна-

чимых различий между условиями с названием и без названия. Ниже (в таблицах 1–5) приведены утверждения, которые использовались в настоящем исследовании. Они разбиты на несколько блоков по тематике и в таком же виде предъявлялись участникам исследования. Название поведения — «депатафия» — содержалось в некоторых утверждениях для условия с названием, тогда как в трех других условиях его не было.

Первый блок (таблица 1) состоял из утверждений о допустимости предложенного объяснения поведения героя и степени виновности героя в его поведении.

Второй блок (таблица 2) включал в себя утверждения о стабильности необычного поведения пять лет назад и пять лет спустя и вероятности, что у других людей или у самого испытуемого можно было бы наблюдать такое поведение, если бы у него была такая склонность.

В третьем блоке (таблица 3) содержались утверждения о вероятности, что поведение имеет биологическую или психологическую природу. Данные утверждения сопровождалось текстом с определениями биологических и психологических факторов.

Следующий блок (таблица 4) состоял из утверждений и возможности вылечить или контролировать поведение с помощью медикаментов или психотерапии. Как и в предыдущем блоке, утверждения сопровождалось текстом с определениями понятий «медикаменты» и «психотерапия».

Утверждения в последнем блоке (таблица 5) оценивали вероятность того, что в основе поведения содержится общая причина либо общие симптомы.

Процедура

Исследование проводилось онлайн. Участие в исследовании занимало около 10 минут. Участники случайным образом распределялись в одно из четырех условий, соответствующих варианту обозначения необычного поведения. Сначала они знакомились с инструкцией к заданию, а потом переходили на следующую страницу опроса, на которой им предъявлялся один из четырех текстов. Участникам нужно было прочитать его и затем перейти к оценке утверждений. Утверждения предъявлялись по одному блоку на странице. Различия между условиями были в использовании или отсутствии придуманного названия («депатафия») в описании незнакомого поведения в текстах и в утверждениях, а также в добавлении в текст предложения с конвенциональным или неконвенциональным метафорическим сравнением состояния героя текста. В конце опроса участники сообщали демографическую информацию о себе (пол, возраст, уровень образования).

Экспериментальный план

Зависимая переменная в исследовании — средняя оценка респондентами по каждому из 13 утверждений (по 7-балльной шкале), независимая переменная — вариант обозначения необычного поведения: 1) категориальное название; 2) конвенциональная метафора; 3) неконвенциональная метафора; 4) отсутствие категориального названия. Эксперимент проводился по межсубъектному экспериментальному плану.

Таблица 1. Блок утверждений о допустимости объяснения поведения, наказании и виновности человека с необычным поведением

1	Объяснение	Представьте, что кто-то спрашивает, почему Римма ворвалась в дома соседей и украла несколько предметов невысокой ценности. Насколько допустимым Вы считаете следующее объяснение: «Римма так поступила, потому что у нее [депатафия —] склонность к краже предметов, которые расцениваются ей как крайне ценные и дорогие, хотя они могут такими и не быть»? Оцените по шкале от 1 (совсем не допустимо) до 7 (полностью допустимо)
2	Наказание	Насколько Вы согласны или не согласны с тем, что Римма заслуживает наказания за то, что ворвалась в дома соседей и украла несколько предметов? Оцените по шкале от 1 (совсем не согласны) до 7 (полностью согласны)
3	Виновность	Представьте, что Вы — участник суда присяжных и судите Римму за ее поступок. Судья сообщает Вам, что Вы должны признать Римму невиновной, если считаете, что она совершила действия по причине психического расстройства или дефекта, не знала или не понимала, какой поступок совершает, не знала или не понимала, что ее действия неправильны с точки зрения закона или морали. Насколько вероятно, что Вы бы признали Римму виновной? Оцените по шкале от 1 (совсем не вероятно) до 7 (очень вероятно)

Таблица 2. Блок утверждений о стабильности поведения в прошлом и будущем и обобщении поведения на других людей и на самого себя

4	Стабильность в прошлом	Учитывая, что у Риммы — депатафия // Учитывая склонность Риммы, насколько Вы считаете вероятным, что 5 лет назад она крала предметы, которые расценивала как крайне ценные и дорогие, хотя они могли такими и не быть? Оцените по шкале от 1 (совсем не вероятно) до 7 (очень вероятно)
5	Стабильность в будущем	Учитывая, что у Риммы — депатафия // Учитывая склонность Риммы, насколько Вы считаете вероятным, что через 5 лет она будет красть предметы, которые расцениваются ей как крайне ценные и дорогие, хотя они могут такими и не быть? Оцените по шкале от 1 (совсем не вероятно) до 7 (очень вероятно)
6	Обобщение на других	Насколько Вы считаете вероятным, что другой человек // с депатафией, выражающейся в склонности // с такой же склонностью красть предметы, которые расцениваются им как крайне ценные и дорогие, хотя они могут такими и не быть, повел бы себя в этой ситуации так же, как Римма? Оцените по шкале от 1 (совсем не вероятно) до 7 (очень вероятно)
7	Обобщение на себя	Насколько вероятно, что, находясь на месте Риммы, Вы, как и она, были бы склонны к краже предметов, которые расцениваются Вами как крайне ценные и дорогие, хотя они могут такими и не быть? Оцените по шкале от 1 (совсем не вероятно) до 7 (очень вероятно)

Таблица 3. Блок утверждений о биологической и психологической природе поведения

Депатафия/Склонность Риммы может быть вызвана биологическими или психологическими факторами. Биологические факторы включают в себя любые генетические и физиологические факторы, которые могут влиять на данное состояние либо быть его причиной. Психологические факторы включают любые факторы, связанные с поведением, эмоциями, мышлением, идентичностью, которые также могут влиять на данное состояние или быть его причиной.

8	Биологическая природа	В какой степени депатафия/склонность Риммы имеет БИОЛОГИЧЕСКОЕ происхождение? Оцените по шкале от 1 (совсем не имеет) до 7 (совершенно точно имеет)
9	Психологическая природа	В какой степени депатафия/склонность Риммы имеет ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ происхождение? Оцените по шкале от 1 (совсем не имеет) до 7 (совершенно точно имеет)

Таблица 4. Блок вопросов об эффективности использования медикаментов и психотерапии для лечения или контроля поведения

Депатафию/Склонность Риммы можно вылечить при помощи медикаментов или психотерапии. К медикаментам относятся любые психиатрические, психоактивные или психотропные препараты. К психотерапии относится лечение в психологическом смысле, которое включает в себя повторяющиеся в течение определенного времени встречи психотерапевта и клиента, на которых прорабатывается (в формате беседы) проблема клиента.

10	Медикаменты	В какой степени депатафию/склонность Риммы можно вылечить или контролировать при помощи медикаментов? Оцените по шкале от 1 (совсем нельзя) до 7 (можно с высокой эффективностью)
11	Психотерапия	В какой степени депатафию/склонность Риммы можно вылечить или контролировать при помощи психотерапии? Оцените по шкале от 1 (совсем нельзя) до 7 (можно с высокой эффективностью)

Таблица 5. Блок вопросов о существовании общей причины и общих симптомов для описанного поведения

12	Общая причина	Насколько Вы согласны или не согласны с тем, что в основе поведения людей с депатафией // с такой склонностью лежит общая причина (даже если мы не знаем эту причину)? Оцените по шкале от 1 (полностью не согласны) до 7 (полностью согласны)
13	Общие симптомы	Насколько Вы согласны или не согласны с тем, что в поведении людей с депатафией // с такой склонностью проявляются общие симптомы (даже если мы не знаем эти симптомы)? Оцените по шкале от 1 (полностью не согласны) до 7 (полностью согласны)

Результаты

Сравнение условий проводилось с помощью дисперсионного анализа (ANOVA) с учетом двух факторов: фактора условия и текста. В таблице 6 приведены средние и стандартные отклонения по каждому оцененному утверждению для каждого из четырех условий.

В начале мы оценили, был ли реплицирован эффект, полученный в работе К. Гиффин и коллег. Из 13 утверждений влияние названия проявилось в 6. Главным образом проявление эффекта заключалось в значимом различии оценок утверждений участниками из условия с категориальным названием и из других условий. Таким образом, исходный эффект был воспроизведен. Далее мы опишем результаты¹ сравнения экспериментальных условий по отдельным вопросам.

Объяснение

Участники из условия с категориальным названием были более склонны соглашаться с приведенным в утверждении объяснением поведения, чем участники из других условий, $F(3, 203) = 5.93$, $p < .001$ ($p_{\text{вн}} = .003$), $\eta_p^2 = .081$.

Наказание

Участники из условия с категориальным названием были менее склонны считать, что герой текста заслуживает наказания за свой поступок, по сравнению с испытуемыми из группы с конвенциональной метафорой, $F(3, 203) = 4.30$, $p = .006$ ($p_{\text{вн}} = .017$), $\eta_p^2 = .060$. Ответы участников из двух других групп (неконвенциональная метафора, контрольная группа) значимо не отличались от ответов участников названных выше групп.

Виновность

В оценке виновности героя текста в его действиях участники из всех условий значимо не расходились, $F(3, 203) = 2.208$, $p = .09$ ($p_{\text{вн}} = .130$), $\eta_p^2 = .032$.

Стабильность в прошлом и будущем

Испытуемые не расходились в оценке стабильности описанного в тексте поведения в прошлом,

$F(3, 203) = 1.125$, $p = .34$ ($p_{\text{вн}} = .402$), $\eta_p^2 = .016$, и в будущем, $F(3, 203) = .96$, $p = .41$ ($p_{\text{вн}} = .444$), $\eta_p^2 = .014$.

Обобщение на других и на себя

Участники условия с категориальным названием были более склонны считать, что другие люди на месте героя текста вели бы себя таким же образом, по сравнению с участниками других условий, $F(3, 203) = 5.97$, $p < .001$ ($p_{\text{вн}} = .001$), $\eta_p^2 = .081$. Аналогично участники этого условия были более склонны думать, что они сами, находясь на месте героя, вели бы себя так же, $F(3, 203) = 12.96$, $p = .001$ ($p_{\text{вн}} = .004$), $\eta_p^2 = .161$.

Биологическая и психологическая природа поведения

По сравнению с контрольным условием (отсутствие категориального названия или метафоры) участники из групп с категориальным названием и конвенциональной метафорой были более склонны считать, что поведение имеет биологическую природу, $F(3, 203) = 12.96$, $p = .006$ ($p_{\text{вн}} = .017$), $\eta_p^2 = .059$. В оценке вероятности, что поведение имеет психологическую природу, участники из всех условий значимо не расходились, $F(3, 203) = 2.34$, $p = .07$ ($p_{\text{вн}} = .114$), $\eta_p^2 = .033$.

Лечение или контроль поведения с помощью медикаментов и психотерапии

По сравнению с контрольным условием, участники из условия с категориальным названием были более склонны соглашаться с утверждением, что поведение героя можно вылечить или контролировать с помощью медикаментов, $F(3, 203) = 3.73$, $p = .01$ ($p_{\text{вн}} = .022$), $\eta_p^2 = .052$. В оценках возможности лечения или контроля поведения с помощью психотерапии значимых различий между группами не было, $F(3, 203) = 0.41$, $p = .74$ ($p_{\text{вн}} = .740$), $\eta_p^2 = .006$.

Общие причины и симптомы поведения

Участники из всех условий дали значимо не различавшиеся оценки вероятности того, что в основе поведения описанных людей есть общая причина, $F(3, 203) = 2.06$, $p = .1$ ($p_{\text{вн}} = .130$), $\eta_p^2 = .030$, или того, что они имеют общие симптомы, $F(3, 203) = 2.48$, $p = .06$ ($p_{\text{вн}} = .111$), $\eta_p^2 = .035$.

В целом результаты демонстрируют, что эффект был вызван преимущественно влиянием категориального названия, но не метафорами. Различий в результатах при использовании метафор с указанием на их конвенциональное значение или его отсутствием не было обнаружено, за исключением вопроса о биологической природе поведения.

В утверждениях, в которых были обнаружены значимые различия между условиями (объяснение,

¹ Поскольку при таком дизайне эксперимента количество проверяемых гипотез равно количеству утверждений, то обработка результатов требует введения поправки на множественное сравнение гипотез. Авторы оригинального исследования (Giffin et al., 2017) анализировали влияние названия для каждого утверждения отдельно без указания на то, проводилась ли такая поправка. Для более полного сравнения результатов мы указываем уровень значимости без поправки (p) и с поправкой методом Бенджамини-Хохберга ($p_{\text{вн}}$). При расчете поправки учитывались количество альтернативных гипотез ($m = 13$) и доля ложных отклонений ($q = .05$).

Таблица 6. Описательная статистика для экспериментальных условий: средние значения и стандартные отклонения (в скобках), n — количество участников в каждой группе. **Жирным** шрифтом отмечено условие, в котором оценка утверждения значимо отличается от других условий. Дополнительное выделение *курсивом* по некоторым утверждениям и условиям означает, что значимые различия есть не со всеми, а только с выделенными условиями. Сравнение условий производилось методом пост-хок с поправкой на множественные сравнения тестом Тьюки

	Категориальное название, $n=51$	Конвенциональная метафора, $n=60$	Неконвенциональная метафора, $n=49$	Без названия, $n=59$
Объяснение	5.18 (1.81)**	3.93 (2.02)	3.90 (2.00)	3.78 (2.10)
Наказание	3.37 (1.80)**	4.58 (1.76)	4.04 (1.83)	4.22 (1.90)
Виновность	3.06 (1.90)	3.62 (1.80)	3.02 (1.68)	3.71 (1.82)
Стабильность в прошлом	4.90 (1.68)	4.82 (1.75)	4.47 (1.65)	4.41 (1.82)
Стабильность в будущем	5.43 (1.58)	5.47 (1.65)	4.98 (1.56)	5.29 (1.62)
Обобщение на других	5.61 (1.11)**	4.42 (2.00)	4.49 (1.82)	4.44 (1.86)
Обобщение на себя	4.47 (2.21)***	3.37 (1.98)	2.37 (1.73)	2.76 (1.72)
Биологическая природа	4.45 (1.42)**	4.37 (1.82)**	4.08 (1.75)	<i>3.47 (1.50)</i>
Психологическая природа	5.08 (1.35)	5.65 (1.31)	5.61 (1.22)	5.59 (1.18)
Медикаменты	5.37 (1.30)*	4.73 (1.80)	4.86 (1.78)	<i>4.31 (1.83)</i>
Психотерапия	5.41 (1.17)	5.67 (1.30)	5.59 (1.57)	5.47 (1.34)
Общая причина	4.33 (1.57)	4.35 (1.85)	4.12 (1.65)	3.66 (1.65)
Общие симптомы	5.12 (1.28)	5.13 (1.47)	4.63 (1.51)	4.56 (1.49)

Примечание: ** $p < .001$, *** $p < .0001$.

наказание, обобщение на других, обобщение на себя, биологическая природа), было также зафиксировано значимое влияние фактора текста, $p < .001$, то есть текст, который читал респондент, также вносил различия в оценки утверждений. Однако взаимодействие двух факторов — условия и текста — было незначимым ($p > .1$) во всех утверждениях, кроме одного, где оно было значимо лишь на уровне тенденции ($p = .06$). Таким образом, обнаруженные нами различия между условиями не могут быть объяснены специфическим сочетанием текста и уровнем независимой переменной — языковой формой для названия.

Обсуждение

В настоящем исследовании мы повторили эксперимент К. Гиффин и коллег, изучавших влияние вербального ярлыка на объяснение незнакомого явления и суждения о его свойствах и причинах. Мы добавили новое условие, для того чтобы выяснить, вызывается ли эффект, обнаруженный в оригинальном исследовании, другими языковыми формами, выполняющими номинативную функцию, а в частности — метафорами, которые, как известно, играют важную роль при репрезентации психических состояний. Мы предполагали, что метафоры, заявленные как конвенциональные, окажут влияние, сходное с влиянием ярлыков и категориальных названий, в то время как метафоры, о конвенциональности которых не будет сообщено, не окажут такого влияния. Гипотеза была основана на данных о том, что знание о конвенциональности является важным фактором, усиливающим когнитивные эффекты в случае как с ярлыками, так и убрать с метафорами.

Результаты, полученные относительно влияния ярлыка на суждения, во многом повторяют результаты оригинального исследования (Giffin et al., 2017), а так-

же репликации, проведенной нами ранее (Aslanov et al., 2020). Данные о влиянии метафоры на суждения в целом не подтвердили нашу гипотезу: метафора, о конвенциональности которой сообщалось участникам, оказала влияние на суждения, сравнимое с влиянием ярлыка, но лишь в отношении одного из аспектов ситуации. Так, «конвенциональная» метафора усилила убежденность в биологической природе заболевания, сделав, по-видимому, причину возникновения заболевания более «объективной», не зависящей от воли человека, страдающего этим заболеванием. При этом метафора без указания на конвенциональность значения не оказала никакого влияния на суждения ни в одном из аспектов. В то же время необходимо отметить, что воздействие метафоры оказалось гораздо слабее по сравнению с воздействием искусственного вербального ярлыка («депатафия»). Влияние ярлыка проявилось в 6 из 13 вопросов, то есть изменение признакового состава категории в данном случае оказалось более выражено. Отсутствие влияния метафор на данный эффект могло быть частично обусловлено семантикой выбранных нами метафор: для воспроизведения эффекта метафорического фрейминга необходимо в некотором роде «угадать» семантически релевантную метафору при подготовке стимульного материала. Для этого мы лишь просили отдельную группу участников выбрать подходящую для каждого текста метафору из предложенных нами. В этом смысле искусственные ярлыки, даже при том, что они совершенно не знакомы участникам, предположительно вызывают более устойчивые и предсказуемые эффекты, так как они по понятным причинам не нагружены дополнительной семантикой и их влияние легче контролировать.

Отдельно здесь следует указать и на то, что «конвенциональность» метафоры, которая выступала в роли независимой переменной, все же была весьма условной: участникам лишь сообщалось, что та или

иная метафора является устойчивой для номинации отдельных признаков поведения, однако по понятным причинам участники не могли встречаться с такими метафорами в реальных коммуникативных ситуациях. Возможно, мы могли бы добиться усиления влияния метафор на суждения, применяя метафоры, в действительности часто использующиеся для описания странного поведения или психических расстройств, либо приписывая употребление метафор не людям, демонстрирующим странное поведение, а врачам или сторонним наблюдателям. Также следует обратить внимание на то, что ярлык и метафора обладают разными формальными характеристиками: развернутые метафоры в нашем стимульном материале являются более длинными языковыми конструкциями, включающими несколько частей речи, в то время как ярлык представляет собой единственное существительное; к тому же ярлык, фонетически напоминая медицинский термин, отсылает к соответствующему дискурсу, при этом метафоры такого свойства лишены. Таким образом, здесь мы можем иметь дело с побочными переменными, не проконтролированными в нашем исследовании.

Если все же допустить, что метафоры были подобраны подходящим образом, то почему их влияние, даже с дополнительным указанием на конвенциональность значения, было столь ограничено по сравнению с обычным категориальным названием? Категориальное название в виде ярлыка создает убежденность, что у данного примера и других есть общее объективное содержание, возможная причина для различных проявлений. Можно сказать, что фокус внимания смещается в данном случае на сущностное содержание данной категории. В отличие от ярлыков метафоры, по-видимому, подчеркивают отношение к данным примерам со стороны участника. В этом случае фокус внимания смещается к контексту и индивидуальным проявлениям. Указание на то, что давать описание с помощью такой же метафоры могут делать и другие люди, не является достаточным. Таким образом, роль метафор, возможно, сильнее проявляется в том, чтобы замечать отличия одних примеров от других, формировать суждения на основе сравнения этой информации. Очевидно, что это может проявиться в использовании метафор в других заданиях, например включающих в себя выбор или оценку стратегий принятия решений. Так, известно, что люди более склонны выбирать решение, если его семантика соответствует метафоре категории, чем наоборот (Thibodeau, Boroditsky, 2011).

Подобный эффект наблюдается в сравнении существительных и глаголов при описании новых примеров и собственного поведения участника (Foster-Hanson et al., 2020; Gelman, Heyman, 1999). Так, использование существительных при описании поведения персонажа истории приводит к убеждению, что данное поведение объясняется стабильными личностными чертами. Однако использование глаголов при описании поведения самого участника исследования, в отличие от использования существительных, приводит к изменению его поведения в соответствии с семантикой глагола. Для таких понятий, как оказывать помощь/быть помощником, заниматься наукой/быть ученым, использование категориальных имен вызы-

вает эффекты, связанные со стереотипами поведения. Возможно, действие названий категорий при использовании других языковых форм может вызывать связанные с категориальной информацией феномены: актуализацию стереотипов, создание эмоциональной оценки, изменение мотивации. Будущие исследования должны быть направлены на изучение этого более широкого круга феноменов.

Надо отметить, что результаты нашего исследования не раскрывают механизмов влияния категориальных названий на объяснение незнакомых явлений. В нашей работе мы показали ограничения в том, какие языковые формы вызывают и не вызывают данный эффект. В объяснении К. Гиффин и коллег допущалось, что эффект категориального имени частично может объясняться его конвенциональностью. В свете наших данных подобное объяснение кажется маловероятным, конвенциональность при использовании метафор имеет очень слабое влияние на объяснения. Притом что искусственные названия («депагация») также не имеют устойчивой семантики, по-прежнему остается открытым вопрос о том, какие именно механизмы лежат в основе данного эффекта.

Выводы

В исследовании был реплицирован эффект влияния вербального ярлыка на объяснение незнакомого явления. При добавлении новых условий с использованием в роли категориального названия метафор мы обнаружили, что эффект выражен значительно слабее и наблюдается лишь при использовании дополнительного к метафоре указания на конвенциональность ее значения. Результаты проведенного исследования демонстрируют, что влияние на суждения ограничено лишь ярлыком категории, а другие языковые формы не имеют такого влияния, либо их влияние очень мало.

Литература

- Асланов И.А., Котов А.А. Влияние метафорического фрейминга на оценку суждений о примере категории // Психологические исследования. 2020. Т. 13. № 72. С. 3. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2020v13n72/1784-aslanov72.html>.
- Котов А.А., Жердева М.П. Влияние легкости наименования пространственных признаков на научение новым правилам категоризации // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 1. С. 145–155. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-1-145-155>
- Aslanov I.A., Sudorgina Y.V., Kotov A.A. Influence of category label and metaphor on judgments about mental disorder characteristics // Clinical Psychology and Special Education. 2020. Vol. 9. No. 3. P. 48–61. <https://doi.org/10.17759/cpse.2020090304>
- Foster-Hanson E., Cimpian A., Leshin R.A., Rhodes M. Asking children to “be helpers” can backfire after setbacks // Child Development. 2020. Vol. 91. No. 1. P. 236–248. <https://doi.org/10.1111/cdev.13147>
- Gelman S.A., Heyman G.D. Carrot-eaters and creature-believers: The effects of lexicalization on children's inferences about social categories // Psychological Science. 1999. Vol. 10. No. 6. P. 489–493. <https://doi.org/10.1111/1467-9280.00194>
- Giffin C., Wilkenfeld D., Lombrozo T. The explanatory effect of a label: Explanations with named categories are more satisfying // Cognition. 2017. Vol. 168. P. 357–369. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2017.07.011>

Hemmatian B., Sloman S.A. Community appeal: Explanation without information // Journal of Experimental Psychology: General. 2018. Vol. 147. No. 11. P. 1677–1712. <https://doi.org/10.1037/xge0000478>

Keefer L.A., Landau M.J., Sullivan D., Rothschild Z.K. Embodied metaphor and abstract problem solving: Testing a metaphorical fit hypothesis in the health domain // Journal of Experimental Social Psychology. 2014. Vol. 55. P. 12–20. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2014.05.012>

Landau M.J., Barrera J., Keefer L.A. On the road: Combining possible identities and metaphor to motivate disadvantaged middle-school students // Metaphor and Symbol. 2017. Vol. 32. No. 4. P. 276–290. <https://doi.org/10.1080/10926488.2017.1384271>

Lupyan G. Linguistically modulated perception and cognition: The label-feedback hypothesis // Frontiers in Psychology. 2012. Vol. 3. P. 54:1–13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2012.00054>

Thibodeau P.H., Boroditsky L. Metaphors we think with: The role of metaphor in reasoning // PLoS ONE. 2011. Vol. 6. No. 2. P. e16782:1–11. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0016782>

Thibodeau P.H., Hendricks R.K., Boroditsky L. How linguistic metaphor scaffolds reasoning // Trends in Cognitive Sciences. 2017. Vol. 21. No. 11. P. 852–863. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2017.07.001>

Waxman S.R., Markow D.B. Words as invitations to form categories: Evidence from 12- to 13-month-old infants // Cognitive Psychology. 1995. Vol. 29. No. 3. P. 257–302. <https://doi.org/10.1006/cogp.1995.1016>

Winawer J., Witthoft N., Frank M.C., Wu L., Wade A.R., Boroditsky L. Russian blues reveal effects of language on color discrimination // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2007. Vol. 104. No. 19. P. 7780–7785. <https://doi.org/10.1073/pnas.0701644104>

Wolff P., Gentner D. Structure-mapping in metaphor comprehension // Cognitive Science. 2011. Vol. 35. No. 8. P. 1456–1488. <https://doi.org/10.1111/j.1551-6709.2011.01194.x>

Приложение 1. Дополнительные тексты с описанием незнакомого поведения

А. Елена — сорокалетняя женщина. Недавно она накричала на своего босса и ударила его, когда он обратился к ней по поводу проекта, над которым она работает. В результате ее босса пришлось госпитализировать. После случившегося коллеги Елены сообщили, что ее всю трясло. Оказалось, что у Елены [депатафия —] есть склонность вести себя агрессивно физически и вербально и испытывать при этом дрожь.

[Конвенциональная метафора.] Другие люди с такой склонностью сравнивают это состояние с пожаром, который охватывает человека и уничтожает все вокруг.

[Неконвенциональная метафора.] Елена сравнивает свое состояние с пожаром, который охватывает человека и уничтожает все вокруг.

Б. Марк — сорокалетний мужчина. Недавно его увидели на улице без нижней части одежды. Его забрали в полицию. В полицейском участке он начал ломать мебель и предметы и пытался сбежать из здания. Оказалось, что у Марка [депатафия —] есть склонность избавляться от одежды, ломать предметы, сбежать из помещений и совершать другие иррациональные или опасные действия.

[Конвенциональная метафора.] Другие люди с такой склонностью сравнивают это состояние с пожаром, который охватывает человека и уничтожает все вокруг.

[Неконвенциональная метафора.] Марк сравнивает свое состояние с пожаром, который охватывает человека и уничтожает все вокруг.

research papers

Explanations of an Unfamiliar Phenomenon Based on Categorical Names and Metaphors

Marie ArsalidouHigher School of Economics, Moscow, Russia;
Sirius University of Science and Technology, Sochi, Russia**Ivan Aslanov**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Denis Grischuk

Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

Alexey KotovHigher School of Economics, Moscow, Russia;
Sirius University of Science and Technology, Sochi, Russia**Galina Pazekova**

Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

Ildar Sabitov

Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

Yulia SudorginaHigher School of Economics, Moscow, Russia;
Sirius University of Science and Technology, Sochi, Russia

Abstract. A study by Giffin and colleagues (2017) found the effect of a verbal label on the explanation of an unfamiliar phenomenon: when a name is used, people's judgments are more likely to express the belief that the phenomenon has an objective cause. This effect was demonstrated in behavior descriptions of a mental disorder that was either labeled with the fictional name “depataphy” or left unlabeled. In the present study, we replicated this effect ($N=110$) and added new conditions in order to assess whether another linguistic form, a metaphor, could cause the same effect. A separate group ($N=119$) evaluated two conditions wherein, instead of a verbal label, we informed participants that the internal state of the person behaving abnormally can be compared to some other event (e.g., a fire). One condition (the so-called non-conventional metaphor) emphasized that this comparison is made by the character of the story himself, and the second condition emphasized other people with a similar behavioral disorder (the so-called conventional metaphor). According to our hypothesis, only the conventional metaphor could affect the formation of explanations, because the conventionality would give the metaphor the status of a category name. The hypothesis was partially confirmed: in the condition with a non-conventional metaphor no significant effect was found, and in the condition with a conventional metaphor it was found in the answers to only one question. The results of the study are generally consistent with the interpretation by Giffin and colleagues that judgments are primarily influenced by a category label rather than other linguistic forms.

Correspondence: Marie Arsalidou, marsalidou@hse.ru; Ivan Aslanov, ivaslanov@gmail.com; Denis Grischuk, grischukdv@inbox.ru; Alexey Kotov, al.kotov@gmail.com; 101000 Moscow, Krivokolenny ln. 2, 201; Galina Pazekova, gpazekova@list.ru; Ildar Sabitov, ildoc73@gmail.com; Yulia Sudorgina, yvusudorgina@gmail.com

Keywords: categorization, explanation, categorical names, metaphor, conventionality

Copyright © 2020. Marie Arsalidou, Ivan Aslanov, Denis Grischuk, Alexey Kotov, Galina Pazekova, Ildar Sabitov, Yulia Sudorgina. This is an open-access article distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution License \(CC BY\)](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided that the original author is credited and that the original publication in this journal is cited, in accordance with accepted academic practice.

Acknowledgements. This work was supported by the Russian Foundation of Basic Research, Grant No. 19-313-51010.

Received November 9, 2020, accepted December 23, 2020.

References

- Aslanov, I.A., & Kotov, A.A. (2020). The impact of metaphorical framing on the evaluation of judgments on an example of category. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 13(72), 3. (In Russian). Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/num/2020v13n72e/1792-aslanov72e.html>.
- Aslanov, I.A., Sudorgina, Y.V., & Kotov, A.A. (2020). Influence of category label and metaphor on judgments about mental disorder characteristics. *Clinical Psychology and Special Education*, 9(3), 48–61. <https://doi.org/10.17759/cpse.2020090304>
- Foster-Hanson, E., Cimpian, A., Leshin, R.A., & Rhodes, M. (2020). Asking children to “be helpers” can backfire after setbacks. *Child Development*, 91(1), 236–248. <https://doi.org/10.1111/cdev.13147>
- Gelman, S.A., & Heyman, G.D. (1999). Carrot-eaters and creature-believers: The effects of lexicalization on children's inferences about social categories. *Psychological Science*, 10(6), 489–493. <https://doi.org/10.1111/1467-9280.00194>
- Giffin, C., Wilkenfeld, D., & Lombrozo, T. (2017). The explanatory effect of a label: Explanations with named categories are more satisfying. *Cognition*, 168, 357–369. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2017.07.011>
- Hemmatian, B., & Sloman, S.A. (2018). Community appeal: Explanation without information. *Journal of Experimental Psychology: General*, 147(11), 1677–1712. <https://doi.org/10.1037/xge0000478>
- Keefer, L.A., Landau, M.J., Sullivan, D., & Rothschild, Z.K. (2014). Embodied metaphor and abstract problem solving: Testing a metaphoric fit hypothesis in the health domain. *Journal of Experimental Social Psychology*, 55, 12–20. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2014.05.012>
- Kotov, A.A., & Zherdeva, M.P. (2020). Effect of spatial locations nameability on category learning. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 17(1), 145–155. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-1-145-155>
- Landau, M.J., Barrera, J., & Keefer, L.A. (2017). On the road: Combining possible identities and metaphor to motivate disadvantaged middle-school students. *Metaphor and Symbol*, 32(4), 276–290. <https://doi.org/10.1080/10926488.2017.1384271>
- Lupyan, G. (2012). Linguistically modulated perception and cognition: The label-feedback hypothesis. *Frontiers in Psychology*, 3, 54:1–13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2012.00054>
- Thibodeau, P.H., & Boroditsky, L. (2011). Metaphors we think with: The role of metaphor in reasoning. *PLoS ONE*, 6(2), e16782:1–11. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0016782>
- Thibodeau, P.H., Hendricks, R.K., & Boroditsky, L. (2017). How linguistic metaphor scaffolds reasoning. *Trends in Cognitive Sciences*, 21(11), 852–863. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2017.07.001>
- Waxman, S.R., & Markow, D.B. (1995). Words as invitations to form categories: Evidence from 12- to 13-month-old infants. *Cognitive Psychology*, 29(3), 257–302. <https://doi.org/10.1006/cogp.1995.1016>
- Winawer, J., Witthoft, N., Frank, M.C., Wu, L., Wade, A.R., & Boroditsky, L. (2007). Russian blues reveal effects of language on color discrimination. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 104(19), 7780–7785. <https://doi.org/10.1073/pnas.0701644104>
- Wolff, P., & Gentner, D. (2011). Structure-mapping in metaphor comprehension. *Cognitive Science*, 35(8), 1456–1488. <https://doi.org/10.1111/j.1551-6709.2011.01194.x>